

Юрий ЖЕКотов

г. Николаевск-на-Амуре

«В моховом царстве – Таёжном государстве»

рассказы

Сойка-пересмешница

Сойка сопроводить меня вдоль речки на-думала, да нахальная такая попалась, всё старалась улучшить момент и на предмет покушать содержимое рюкзака проверить или стащить харюзка из ведёрка. А рыбы – стыдно признаться – вопреки моему рыбацкому самозащитному, в этот раз словил – кот заплакал: два «хвоста» размером с вершок с дюжиной чешуек на каждом. Где-то попрятались здешние хариусы: то ли резкий скачок давления на дне пережидают – отлёживаются, то ли в смену лунных фаз привередничают – аппетит у них пропал, видите ли! Таёжная речка вдобавок закоряжена, идут зацеп за зацепом, не ловля рыбы, а определение фарватера и измерение глубин получается! В итоге, ныряя в ямы и быстрину за блёснами и мушками, в какой раз закон Архимеда открываю – определяю объём воды, вытесняемый из реки моим телом. Совсем учёный стал, но настроения никакого.

А тут ещё эта бестия привязалась! С виду полное благородие и приличие! Такая вся из

себя! Одежка у птицы опрятная-аккуратная, с претензией на изысканность: сероватый сюртучок с броским оранжевым передом, с тёмными рукавами-крыльями, с двухцветными белочёрными манжетами, с крупными радужного отлива запонками; с подобранными со вкусом, с гармонией к общему прикиду – белым шарфиком и яркой хохлатой шапочкой.

Но не по одежке норы у сойки! Навязывая своё знакомство, раскидывая лопатами крылья, зигзагами перелетает за мной вдоль извилистого распадка птица, и то с листвянки, то с берёзки глаз свой хитрый скосит, клюв о кору почистит-подточит и всё горланит: «Кы-ы-ыр...» да «Гы-ы-ыр...» Такая настойчивая, прилипчивая, шумная, вынь ей и положи дань, задобри подарочком, а то не отвяжется!

– Но и я не лыком шит, тоже, если надо, с характером, вот упрусь и не пойду на поводу! И ничего тебе не обломится! Ну, по каким таким кредитам-векселям ты меня в свои должники записала? Если бы ещё с подходом, вежливо обратилась, спела бы что-нибудь ласковое, а так – оглушаешь дребезжащими криками, заставляешь то

ёжиться, то вздрагивать, заикой скоро сделаешь?! Нетушки! Объявляю бойкот нахрапистости и беспардонности! Давай-ка лети отсель по добру-поздорову! — читаю я нотации птице.

Но никаких поучений пернатая проказница не принимала, воспитанию не поддавалась, не соглашалась на мирное сосуществование.

Я бродни раскатываю и в воду лезу крючок от топляка отцеплять, а она уже тут как тут, на берегу хозяйничает, вязки-замочки походного ридикюля на надёжность проверяет. И — надо же — не усторожил: умыкнула из ведёрка одну рыбку сойка!

— Вот наглая! Кыш, рыжая-бесстыжая! — заметив пропажу, гнал я теперь воровку, то рукой махну, то прикрикну. — Я на вас не рассчитывал, сами с усами. И не шуми, не порхай тут! Видишь: бесклёвье! И чего я перед тобой отчитываюсь, не сродственник же?! Охотник тебя бы за такие проказы-выкрутасы шамальнул бы из ружья — и всех делов, а я с устоявшимся рыбацким менталитетом лясы с тобой точку, демократию развёл, к разуму-совести призываю!

Так ходил-бродил я с удочкой почти впус-тую вдоль речки, да и привык к птице-попутчице, всё же есть с кем поговорить, и бурчал уже больше для порядка:

— Вас только повадь, вы добра не помните, да и не зима сейчас, тайга полна грибами-желудями, так что наше вам с кисточкой, — и уже после полудня, теряя надежду на рыбацкую удачу, смиряясь с суровой действительностью, даже пообещал сойке сменить гнев на милость: — Вот завтра прилетай, на утренней зорьке мы с тобой и посмотрим: если повезёт, то и тебе что-то на зубок перепадёт, то бишь в клювик. А сейчас и мне сообразить бы на ужин — на ушицу, словить бы ещё рыбёшку-другую. Не мельтеши, не маячь перед глазами, не отвлекай! Всю рыбу распугала!

Я уже все известные мне тонкости и хитрости рыбацкого дела испробовал, на небо заглядывал, может, к непогоде дела складываются и потому хариус апатичен-безразличен к рыбацким «примочкам»? Но по заоблачному расписанию на клев, скорее всего, в этот день значился жирный прочерк. Ничего в хмурой выси я не высмотрел, не вымолил, не до меня там, некому рыбака утешить, зашторились и другими важными делами заняты небожители. А к вечеру в бойких выкри-

ках неугомонившейся назойливой спутницы слышал я уже больше ехидства и подначки:

— Так тебе и надо, ротозей! Рыбак с печки бряк! Так тебя здесь мы все и ждали-готовились! Что, не случилось — не получилось? Ты-то чем меня лучше? Сам дармовщик! Я вон местных вредителей жуков-усачей и шелкопрядов истребляю, кедров да дубы сажаю, а ты-то сколько за свою жизнь деревьев посадил, чего полезного содеял? Всё кыш да прочь гонишь! Других слов, видать, и не знаешь! Про воспитание балакаешь, философию развёл, пришелец из ниоткуда!.. Рыбки одной пожалел, крохобор! Молчишь, крыть-то нечем... Что, правда глаза колет?!

А между тем в поисках рыбацкой удачи, в переругивании со скандальной сойкой забрёл я в такой замшелый лес, куда человек тыщи лет не захаживал и рыбы должно было бы накопиться! Но вот не идёт она на снасти, ёлки зелёные, и всё тут!

Огляделся: пихты в округе иные, чем раньше мне встречать приходилось, — кряжистые, заматеревшие с комля, потерявшие стройность. Размохнатили лапы в беспорядке пихтачи, выкидывают из стволов случайные ветки, не давая разгону молодой поросли. Щетинятся нелюдимо-негостеприимно растения-старожилы, нестриженными-нечесаными космами и бородами из лишайника заплетая входы и выходы в своё хвойное царство. Живёт отшельником, не пускает тёмный лесок к себе ни дятлов, ни синиц, сам врачует раны и трещины, обильно заливая их смолой. Перезрелый лес на излёте своего жития, истлевший сердцевинами, с подгнившими корнями, кичится нынче своими старчеством и морщинами и каждыми нажитыми суком да веткой цепляется за былые времена, за божий свет. Не особо приветливое место, в котором и слово не откликнется, увязнет-схоронится где-нибудь в сырой глубине под кочкой — под пнём, но зато сухостоя для костра — далеко ходить не надо, хоть стоянку на всё лето устраивай, всё равно не пережечь...

Костерок принялся бойко, и пусть жидкая, но ушица поспела вовремя. Около полуночи я поднялся, чтобы огонь поправить и тепла добавить к своей походной постели, да в жар иной бросило — заготовил кто-то дерзко и безумно на всю округу! Раз-другой с паузой, а

потом пошло-поехало! И так бесконечно упражняется безумец: то с волчьей злобой — с подвыванием, то со скрипучим стоном — с поросычьим визгом, то кикиморой, то лешаком!..

Уже через час испытаний диким смехом, безудержным стоном и плачем нет у меня сил терпеть, всего наизнанку вывернуло! И вот тут он где-то, совсем недалеко! Пока не показывается, но крутится вокруг костра, удобный момент для нападения выбирает! Если бы я знал точно обратную дорогу, то рванул бы из этого леса прямо посреди ночи! Вот уж жуть — вздрагиваешь при каждом крике! И кто там? Разбойники ли, оборотень, привидение или заблудшая неуспокоенная душа? Да у меня и желания разгадывать, кто такой, вовсе нет! Пусть кто-нибудь другой тут кумекает, голову ломает! Надо костёр побольше развести, может, не решится подойти, побоится огня нечистая сила?! Вот занесло-то меня в какие места! Теперь дождаться бы спасительных солнечных лучей и никогда сюда ни ногой, остаться бы только живу!

Ближе к рассвету откатилось в глубину леса и утихло гоготание. И как только первые лучи пробились в таёжные закрома, заторопился я собирать пожитки в дорогу, в сторону пихтача не смотрел: вдруг вылезет оттуда какая нежить, нестерпимая для человеческого ока, прикуёт-привяжет меня взглядом к дереву — к колодине или в пень превратит!

А тут сойка опять объявилась. Обрадовался я: какая-никакая, а подмога и поддержка!

Таёжная птица почти вплотную подлетела да возьми и хихикни прямо мне в лицо: «Хы-хы-хы-ы...» И ноты явно даёт из ночной песни.

— Так это ты, что ли, издеваешься-измываешься над путником? — запоздало прозрел я.

— Гы-гы-гы-ы... — выдала зловредно птица. — Что, жадина-говядина, получи?! Вот так вот, знай наших! Если нужно будет, я ещё и не так могу!

— Да, не ожидал, что вы тут с таёжными классами образования умудрились языки всякие постигнуть! Примите в знак уважения и признания талантов! — раздобрился я на смене своих чувств, достал из запасника, положил на ближайший растянувшийся на земле кряж колбаски с хлебушком и отошёл.

Сойка подлетела, диковинной копчёностью побрезговала, не тронула, а вот хлеб подмела, а затем села на сук, на меня, увальня-ротозея, даже не смотрит — не отвлекается, добилась своего, а теперь загордилась, думки всякие свои важные думает.

— Где научилась, у кого переняла такой говор? Надо же так язык ломать наостриться! В каких лесных академиях-университетах языковедению и филологии обучалась?! Специалист. Бакалавр... Не-е-е... Магистр! Профессор! А какая к тому же красавица! — не жалел я комплиментов для дамского сердца крылатой обитательницы тайги.

— Ну вот, это другое дело! — заскворчала довольно утробно сойка, но к концу трели сорвалась на резкие тона. — А то всё брезгуешь моей компанией! Куском понукаешь!

— Да ладно, свои же, в одних краях живём: вы — в лесу, я — в городе. Нам ли ссориться? Уж сразу не разобрался! Зачем же вы мне такие каверзы строите? Теперь что, всю жизнь попрекать будете?! Кушайте вот лучше ещё! — не скупился я теперь на подношения. — Давай дружить, пернатая?!

Ночные страсти улеглись, но бесклёвье затянулось на следующий день, и я решил возвращаться домой. На границе леса простилась со мной новая знакомая, крикнула что-то бодрое на прощание и полетела по своим делам.

* * *

Слышал, что быстро обучаются разным не свойственным им голосам представители семейства врановых, особенно сойка. Под силу этой птице подражать многим лесным звукам: закричать кукушкой или вороной, петь синицей, заскрипеть деревом, проживая рядом с человеком, становится способной мяукать или тьявкать. А где научилась сойка хохотать лешаком, так и осталось для меня загадкой. Но ведь и тайга ещё не вся исхожена-изучена, много ещё тайн хранит! Может, повезёт, и я до этого секрета когда-нибудь докопаюсь, а может, и кто другой!

Ночной воришка

Главное завоевание первого рыбацкого дня – ароматно-нежная харьужовая уха, приправленная берёзово-еловым дымком, с вечера хорошо шла! Из проверенного, выдавшего виды хлебосольного котелка, не раз потчевавшего меня блюдами, каких не отыщешь в самом лучшем европейском ресторане, черпал и черпал я рыбацкое кушанье вприкуску с лучком-черемшой, собранным с оказией в соседнем распадке, с измятой в дороге, с раскрошившейся, а потому ещё более аппетитной ржаной ковригой!

Но к утру бока все отлежал подле костра, подкоптился, и в самый раз чайком бы побаловаться-взбодриться и слегка подсластиться. «Но где сгушёнка? Куда деликатес мой подевался-запропастился? Ведь хорошо помню: с вечера лишь слегка початая ёмкость оставалась, а сейчас и след простыл. Кто позарился? Кто слопал? Ну что это я сразу стал такой недоверчивый и подозрительный? Вдруг сам ногой случайно задел-опрокинул и закатилась куда банка? Пусть всё вытекло, пусть я повинюсь и самооправдаюсь. Досадно, конечно, но тогда всё встанет на свои места! Всё будет понятно и установлена первопричина произошедшего – моя неуклюжесть!»

Всё обшарил рядом, за пень заглянул, за куст, дупло заметил в ближайшем дереве, там на всякий случай рукой пошуровал – нет нигде ни молочка сладенького, ни пустой тары. «Вот так недоразумение! Выходит, и в самом деле украли? Обидно! Кто бы мог подумать? Прямо посреди леса, посреди глухомани! За что? Почему? – осмотрелся по сторонам: – Непонятно, кого карать – кого миловать?»

Натошак, несолоно хлебавши, то ли в шутку, то ли всерьёз пожаловался лесу: «Ограбили! Разорили! До нитки обобрали!» Да жалобных ноток побольше добавляю – вдруг сыщется совестливый свидетель, укажет на жулика!

Синичка откликнулась: «Тинь-звень!», будто бы ни при чём тут.

Рябчик с подначкой свистнул: «Тю-ю-ю, тю-ю-ю, ту-ту-ру, тю-тю!»

А кукушка, та уже и с насмешкой заладила: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку...»

– Да у них тут круговая порука! Ну, соловьи-разбойники, ну, лиходеи, просвистели-прокукукали моё добро! Ничего, у меня ещё ночь впереди! Я спать не буду, дозор выставлю, но выведу вора на чистую воду! Специально самую лучшую еду на видном месте оставлю. Но берегись тогда у меня!

Горький чай, конечно, не сладкий, но мы и не такие трудности-испытания проходили! Зато для рыбацкой души такое приволье! Хариус идёт и идёт на разномастные искусственные мушки – жадно хватает насадку, два ленка тоже не удержались, соблазнились «кручёной» ниткой – на кукушке уже гуляют!

К вечеру забыл я про обиду, уж не сердчаю, так, из любопытства подхожу к биваку охраняю, вот-вот преступная натура должна объявиться! А ночь такая необычная складывается: закрутились крупинками сладкого сахара звёзды в небесной чаше, придавая особый вкус и аромат божественному напитку, плавилась здесь же долькой лимона луна! И зачем, кто придумал всякие искусственные сладости, когда ни напиток, ни насладиться звёздным коктейлем?! Пил и пил я полной грудью таёжное снадобье, размечтался-распутешествовался в ярких мерцающих мирах-галактиках! И не заметил, как сморило от блаженной усталости. Ключнул раз-другой головой и в необычный сон-дремоту провалился...

Всю ночь к какому-то цветку пробирался... То ли цветик-семицветик, то ли аленький цветочек, то ли купальский папоротник. Я – к нему, а он – от меня, то чётко проявится, то заблезит¹ смутным очертанием. Уж я настойчиво упорствую: через заломы-буреломы, через чащи-заросли к нему, где ползком по зыби, где карабкаюсь по скользким камням, одежды не жалею, исцарапался-иззанозился весь, ещё чуть-чуть и достану... Но руку протяну и пустоту хватаю. Играет в свою непонятную игру, забавляется со мной, но не даётся цветок. А позарез он мне нужен, как глоток воздуха, как ключ к счастью...

Наверно, изнервничался я такой сон пере-

¹ От диал. «блэзкий» – линяющий, способный быстро потускнеть.

варивать или какая-то упрямая загогулина-извилина в голове всё-таки не спала, сторожила, но пробудился я посреди ночи. Открыл глаза, когда кто-то уже хозяйничал в моих вещах. Пошебуршал, пошелестел, похрумкал воришка, а потом мордочку из-за рюкзака высунул, чтобы проверить: «Спит ли тетеря?», и замер, заметив, что я зенками моргаю.

Сначала не разобрался я, что за живность, — на собачку маленькую и остроухую похожа! Но откуда здесь собачка? Вот недогадливый, так это лиса! Стрельнула глазами на меня и прочь побежала впопыхах, но уже присмотрела-выбрала и не забыла прихватить с собой презент — пачку печенья.

— Стойте, Патрикеевна! Вы опознаны! Скрываться-отпираться бессмысленно! Не усугубляйте вины! — кричу вдогонку.

Но куда там! Бесполезно. Попробуй догони! Закон — тайга, прокурор — медведь...

Не особо я досадовал от новой пропажи, зато теперь знаю, у кого из таёжных жителей жуликоватые манеры! Ничего, кланяться-милости просить не будем, но и меры примем: перед тем как отправиться на рыбалку, собрал я всё съестное в рюкзак и подвесил его повыше, чтобы лиса не достала.

Вдоль речки спускался по течению, и пережат с кипящими бурунами попался. Грозно предупреждает-шумит река: «Переходить не смей-не пытайся, снесу на стремнине!» А берег здесь какой?! Нет берега — отвесная скала! Пришлось огибать каменистую возвышенность, чтобы не лезть на самую кручу.

Круча не круча, а всё равно порядком попыхтеть пришлось. Преодолевая перевал, остановился малость отдышаться. Глянул случайно под угор. Что за невидаль! Вот же недавний сон в руку! Вещее сновидение!

Необычный синий цветок в ложине сквозь пышную зелень пробивается! Не василёк, не колокольчик, не ирис — другой, более крупный и яркий, какой-то неизвестный цветок! Хихикнул я глупо: «Не может же такого быть!» Протёр лучше глаза: «А что, если я просто такой впечатлительный и под воздействием сна ещё или и вовсе сплю?! Ну уж нет, на этот раз ни капли не мерещится! Уже и мысли мечтательные в голове завертелась, диалог сам с собой веду:

— Если бы и в самом деле волшебным цветком оказался, ну и чего бы ты пожелал?

— На крупное бы не замахивался, оторвал лишь один самый маленький лепесток и скромно бы загадал, чтобы рыба у меня всегда ловилась! И пускай себе дальше растёт, силы набирается!

Но трезвый ум всё же верх берёт:

— Какой тебе чудо-цветок, какие тебе сказки в XXI компьютерный век с нано- и интернет-технологиями?!

— Ну, конечно, это я так, фантазия разыгралась. Оно-то понятно, что не бывает такого! — соглашаюсь я.

Гоню от себя всякие нереальные мысли, но к цветку, между прочим, вектор движения задал. Издалека как следует его не рассмотреть, выбираю место, как бы сподручнее к таёжному растению подобраться. А на смену первой шальной мысли другая, более правдоподобная, приходит:

— А вдруг стану я теперь первооткрывателем, внесу свой вклад в развитие ботаники, открою неизвестное науке новое растение! Вон оно какое, непривычное, броское, диковинное, никогда прежде такую траву-мураву встречать не приходилось! Досадно, фотоаппарат с собой не взял, не докажешь же потом никому о своей находке, а рвать жалко: вдруг этот экземпляр один-единственный на всём белом свете остался!

Так и приближаюсь осторожно, ломая голову: «Что же делать с редким представителем флоры дальше?» Очередную пышную еловую ветку от лица отвёл и разочарованно понял:

— Не получится из меня известного ботаника. — Но тут же другая спасительная мысль пришла: — Зато вон какие пинкертоновские качества во мне до времени дремали да проявились — интуиция и подсознание вывели меня к логову разбойников! Не цветок то маячил, а нашлась моя пропажа! Банка из-под стужённого молока выделялась в зелени леса своими невыгоревшими красками и в заблуждение ввела.

Ёмкость подобрал, покрутил-повертел в руках: моя не моя, не мелочный, подписей на всех своих покупках не оставляю, но вряд ли чья-то ещё, ходоков здесь больше нема. Пус-

тая и чистая ёмкость. Дождя не было, а выли-
зана вся, до последней капельки.

— Хорошо, улика найдена, а где же похити-
тель? — только подумал и движение какое-то
подозрительное за смолистым стволом ели за-
метил. — Ага, на воре и шапка горит!

Сделал к дереву ещё шажок, и выбежал из-
за него лисёнок размером с котёнка, остано-
вился в десятке метров и за мной наблюдает.
Несмышлёныш ещё, видно, что трусит, но
любопытство таёжной зверюшки верх над
страхом берёт: «Что за странный незнакомец?!
Мамка про такого ещё не рассказывала!»

— Привет! — окликнул я лисёнка, но он не
отозвался и нырнул под ближайший выворот-
нение.

Подошёл ближе — нора лисья под корешка-
ми замаскирована. Заглянул я в звериное убе-
жище: две пары глазок сверкнули в темноте и
пропали, глубже залезли в своё убежище лисё-
нок с сестрёнкой. Посмотрел по сторонам:
где-то и маманя, наверное, рядом, испережи-
валась вся, наблюдая за мной со стороны, уже
и себя ругает, что поддалась соблазну, на чужое
позарилась: «Хотела детишек побаловать,
да беду большую накликала! Ишь какой зло-
памятный оказался, по следу отыскал!»

— Лисичка, что же сразу не сказала, что де-
тишки у тебя, материнские заботы? Я бы об-
лаву не устраивал, я бы с поклоном сам тебе
подарок принёс. А то хожу здесь, умничаю,
шуткую, а ведь всё лес-тайга в твоих неразум-
ных детях значусь, что ни сделаю, так нево-
пад вычурно. Всё, ухожу-ухожу, бывайте, жи-
вите-не тужите, лисята! Возьмите вот лучше
рыбки, в ней «глюкозки-витаминки» разные
и кальций-фосфор для молодых растущих ор-
ганизмов. Пусть крепнут рыжики-зверята!
Прощался я и отправился восвояси удить
свою рыбу...

Косолапый затейник

На этот раз проканителились со сборами, за-
держались в пути — не дорога, а сплошные
рытвины да овраги, — и получилось, добрались
до таёжной речки только к вечеру. Успели лишь
лагерь разбить, палатку поставить, сварганить
на костерке лёгкий ужин, как окончательно оп-
рокинулось на нас небо своей изнаночной тём-
ной стороной. Разговоры долго не водили —
зорьку хотели встретить в полном здравии и во
всеоружии с удочками и сыграли отбой.

Утром решили с товарищем, чтобы под но-
гами друг у друга не путаться и шире охватить
водоём своими рыбацкими затеями, в разные
стороны речки разойтись. Заблудиться слож-
но, ступай себе вдоль распадка, а, возвраща-
ясь, водное русло также за основной ориентир
держи да на всякий случай запомни направле-
ние течения, чтобы на каком-нибудь рукаве
кренделя понапрасну не выписывать.

Приятель мой благополучно выдвинулся
вниз по течению, а я сотню метров отошёл от
лагеря и засомневался: всё ли взял для рыбал-
ки, по карманам похлопал, в рюкзаке посмот-
рел, и точно, оказывается, лучшее в мире ры-
бацкое изобретение, передовую наживку всех
времен и народов — дождевых червей — забыл!

— Ладно, — успокаиваю себя, — чуть-чуть за-
держусь, зато потом с червями наверстаю ры-
бацкий успех.

Возвращаюсь бодро, настроение ни капли не
испортилось, вслух не пою, но мотивчик ка-
кой-то у меня оптимистический в голове вер-
тится. Вон уже и палатка видна, но что такое!

Не успели хозяйева отлучиться, а тут уже
власть поменялась, другие руководители ко-
мандуют, местный косолапый решил расши-
рить сферы своего таёжного влияния — браз-
ды правления в свои лапы взял! Ветерок в
мою сторону тянет, не чует меня подслепова-
тый босоногий увалень. Затаился, наблюдаю:
«И чего медведю, если на полном серьёзе,
здесь надо?»

Приблизился топтыгин осторожно к палат-
ке, потоптался, а костерок притух, но под сло-
ем пепла ещё совсем не затих, возьми и щёлк-
ни недогоревшей веткой. Подпрыгнул мишка

от неожиданности, с опаской попятился, затем повернулся и пошлёпал босоногий в обратную сторону. Думаю: «Уходит, испугался запаха дыма и человеческого духа, случайно занесло не туда топтыгина, а теперь потопал восвояси зверюга». А медведь к речке направился, оказалось, решил ванну принять, в воду залез, так что только морда наружу!

— Вот даёт! — удивляюсь я поведению мишки. — Сейчас немного обживётся, ещё медведицу позовёт в гости, расхвастается: — Вот, смотри, как я устроился, как современные косолапые живут! Всё у меня есть, место на берегу самое лучшее на этой речке, на случай дождя не под кустом будем сидеть, шкуры квасить, а под брезентом. Проголодаемся, захотим, сладкие корешки станем копать или рыбку кушать и черёмухой закусывать, вон с того дерева с ягодками, что у речки растёт! Какой у нас тут с тобой замечательный роман получится, всему зверью на загляденье!»

Однако медведь долго в природной ванной не засиделся, вылез, не отряхивается, потерял былую благородную статью, напыщенность, выглядит облезлой взбалмошной коровой, и в таком неприглядном виде опять к палатке. Встал подле кострища-пепелища да как потрянул шубу, что душ из тысяч брызг получился, зашипели угольки, клубы пара поднялись.

— Вот зверь нынче пошёл! — уже решаю я. — Не знаем мы их жизни, особо не приглядываемся, а они у людей уже привычки перенимают, ничем в «соображалистости» человеку не уступают! Медведь парилку себе устроил! Сейчас ещё венчик берёзовый наломает и ну себя охаживать! Но медведь к венику, по-видимому, ещё не приучился, опять в речку полез, а оттуда галопом, чтобы воду не растерять, к костру, второй заход в парилку делает, опять каскад брызг, каменка ещё не остыла, выдала новую порцию парка!

Но уже через некоторое время выяснилось: медведя терзали совсем другие мыслишки. Он весь этот спектакль с баней-парилкой устроил, чтобы безбоязненно в палатку пробраться. Инстинкт панического страха перед огнём притупился у косолапого от постоянного соседства с людьми и привыканием к запаху горелого, но всё-таки даёт о себе знать, и так вот медведь с ним решил на этот раз управиться — вступил в добровольную пожарную дружину. Удостоверившись, что от костра не исходит

никакой угрозы, топтыгин стал тыкаться носом в стены палатки, ища вход.

— Ну уж, дружище, хватит, напридумывал я тут про тебя, про твои недюжие способности, насочинял, а ты всё о своём животе печёшься, чтобы чего слопать. Так скоро и оберёшь нас, объешь, без ничего останемся! Всё, баста! — накручиваю в себе решимости пресечь преступные поползновения хозяина тайги.

С опаской (как зверюга-то среагирует?), но всё-таки отважился я крикнуть. Слово подходящее сразу не нашлось, и получилось примерно: «О-о-о-о-о!..», но неожиданно произвело эффективное воздействие — медведь приподнялся на задние лапы, застыл на мгновение, словно гигантский ископаемый суслик, вычисляя, откуда идёт угроза. Потом резко сорвался с места и в несколько прыжков скрылся за зелёной завесой.

— У-у-у-лю-лю-лю!.. — вдохновлённый бегством противника, кричал я ему вдогонку и для большей остротки ещё и посвистел. Посчитав, что после моего «страшного свиста» и проделанной воспитательной работы таёжный зверь теперь вряд ли к нам сунется, и отыскав червей, я отправился за хариусами.

Речка нехожена, рыба непугана, особо и мудрить с оснасткой не пришлось, отловил я свою норму хариусов — больше всё равно не унести, и вернулся к лагерю, а там меня уже товарищ в расстроенных чувствах дожидается.

— Что так-то? — вопрошаю я про себя, записав в обидчики товарища местного медведя (но, слава богу, жив-здоров напарник). — Как рыбалка? Что словил?

— Наловил я не меньше твоего, — объясняет рыбацкий коллега, — но на обратной дороге непонятки вышли — обезьяна забрала!

— Какая ещё обезьяна? — недоумеваю я.

— Горилла или шимпанзе, — говорит приятель. — Я в них особо не разбираюсь. Но большущая!

— Да не живут у нас обезьяны! — спорю я с товарищем. — Ты-то её рассмотрел как следует? Может, это медведь?

— Ты знаешь, особого желания рассматривать не было. Но медведь разве может так кричать? «У-у, у-у-у!» — орёт, скачет вокруг тропы, ветки ломает! Что там на уме? Снасти сбёрёг, не бросил, а вот рыбу пришлось оставить, жизнь-здоровье дороже!

— Странно, так прямо и кричит: «У-у, у-у-у!»
— повторил я за товарищем.

— Так и кричит! — подтвердил напарник, продолжая придерживаться своей версии. — Наверное, сбежала от кого, из зверинца или зоопарка!

Поделился я уловом с приятелем, но, продолжая сомневаться в существовании местной обезьяны, всё уточняю подробности их встречи. Товарищ даже слегка заобижался от такого недоверия.

На обратном пути мы, сокращая дорогу, смягчили неровности траектории изначально маршрута, и — надо же! — к собственному удивлению, среди буреломов и чертолесья вышли на чей-то огород. Раскорчёвана тайга в глухом урочище, повыворочены булги и коренья, без тракторов и без мотыг всё перепахано-прополото, с одной стороны с изгородью из зарослей малины и стволов живых деревьев, а в другую ещё некопаным-несобраным борщевиком в человеческий рост. Неведомый таёжный фермер ведёт здесь своё хозяйство. Однако долго осматривать чужое поместье нам не дали.

— У-у-у, у-у-х! — донеслось из ближайшего ельника.

— Горилла, та самая! — узнал приятель свою обидчицу и, уже почувствовав себя победителем в нашем прошлом споре, добавил: — Ну что я тебе говорил!

Но «горилла» не застеснялась на этот раз показать и свой подлинный лик — привстав на задние лапы, она обнаружила вовсе не обезьяню голову. На нас, не проявляя признаков дружелюбия, взирал медведь!

Я машинально выкрикнул своё спасительное: «О-о-о-о-о!..» Но не сработало!

То поддавая хрипоты в своих рыках, то затягивая гласные звуки, выражая нам своё неприятие и нетерпение, шумел медведь, наверное раздражаясь обоснованно:

— Совсем доняли, куда ни сунься — везде двуногие! Все тропки перекрыли! Как я к вам в гости — так взашей прогнали, ну и я вам отворот поворот дам! Я ли здесь не хозяин! Гу-гу, ух-ух...

Нервничал медведь, приподнимаясь на дыбки и делая выпады в нашу сторону.

Мелкими шажочками, бочком да пятясь, ретировались мы и долго ещё слышали, как рассерженно бурчал на своём огороде топтыгин.

Муравьиное лето

На самой макушке лета, отплакав весенние мечты-надежды, отневестившись и обвенчавшись с Ярилой, облачаются в липкие сарафаны берёзы, а истомившиеся в ожидании тепла лиственницы, в одночасье, зарумянившись стволами, распускаются-выстреливают пучками кислой на вкус светло-зелёной хвои. И, отказываясь верить в тленность земного существования, прячась в пышных нарядах леса, ворожей-кукушки, не сбиваясь, щедро отсчитывают всем желающим счастливое долголетие.

На труднодоступной лесной заимке у неприхотливого дикого оленя-согжоя прорезаются на темени молодые рожки, и даже ядовитые серые гадюки, напившись солнечной благодати, сплетаются в клубки любви на прогретых каменных склонах. В эти дни в далёкой северной тайге созревшая жемчужная роса, скатываясь с черничных и малиновых кустов, собирается в ручьи и, склонившись над переполненными чашами озёр, гибкие ивы и вербы под задиристый ветер бесконечно расчерчивают по водной глади с завитушками и кренделями всё новые и новые слова-куплеты купальских песен.

Подсмотрев нотные строчки, не утерпит, ударит по сухой ветке дятел, рассыпая по таёжному распадку барабанную дробь; отзовется из остролистной осоки галантный селезень; обязательно согласно «угукнет» ушастый филин; желая поскорее хоть одним глазком посмотреть на белый свет, проклянутся в схронах гнёзд и дуплах желторотые писклявые птенцы... Растроганный необычными природными пейзажами и музыкой, засвистит и зацокает полосатый бурундук, а прежде грубоватый медведь задумчиво схрумкает сладкий корешок борщевика, усядется на мшистом ковре у закомелистого кряжа, почешет включенный загривок да возьмёт и заломит скрипучий сук и, надо же, не нарушит, а укрепит таёжную мелодию...

На вершинах лесных пирамид — муравейников и одряхлевших пнях, заслышав гимны любви, засуетятся недавно народившиеся из куколок необычные крылатые муравьи. Ещё несколько незабываемых мгновений лета, и, дождавшись известного им небесного знаменья, — эка невидаль! — прежде считавшиеся

пешими мурашки, расправляя крылья, поднимаются в оранжево-сиреневые дали навстречу неизвестности. Невпопад залетают рыжие и чёрные муравьи в кошеевы нежить и топь, безвозвратно гибнут в быстрых речках и ручьях, перехватываются в дороге птицами, но обязательно найдутся в этом неустанном племени счастливицы, каким встретится на пути полянка, засеянная душистым ландышем, или опушка леса с медовыми лилиями. И тогда в укромном, прежде не занятом таёжном месте поспешат собраться возле крылатой матки вездесущие лесные собратья. А муравьиная предводительница, сбросив крылья, устроит ладом житьё-бытьё в новоявленном княжестве. А через год-другой под сенью леса, замешанные на дрожжах согласия и трудолюбия, взметнутся к небесам лесные хоромины — муравейник.

В конце июня, до этого отягощённые бременем продолжения рода, надёжно укрыв в круглой гальке и золотиносном песке вызревшую икру, устраивают первые в сезоне балы одетые в блестящие мантии короли горных рек — хариусы. Восхищая каждого зрителя, бесстрашно распрямляя высокие бирюзово-синие спинные плавники, воспаряют рыбины над бурлящей стремниной, пытаясь достать солнце.

И очарованный одинокий путник попросит в эти дни у сверкающей беспокойными бурями реки одарить его рыбой только для ухи. А затем, укрывшись за изумрудно-малахитовым

пологом вековых исполинов-елей, будет в сказочно-дремучем царстве слушать радостную капель звонких птиц, на высоких перевалах и хребтах встречаться со взглядом горных хрустальных озёр и бесконечно разгадывать тайны многих других чудес, происходящих совсем рядом. А на рассвете, увидев, как, не чураясь его присутствия, утреннее светило раскрывает и щедро дарит миру нежно-белые букеты бессмертников и тысячелистников, заводят пляски над травой-муравой бабочки-крапивницы, путник, жадно прикоснувшись губами к прозрачной воде и охмелев от тайны, нашёптанной родником, протянет руку к безмерной выси с доверчиво присевшим на краешек ладони небольшим жучком-паучком — божьей коровкой и, загадав самое сокровенное желание, проводит в добрый путь небесного странника...

Скоротечны купальские дни. Через неделю не будет забираться так высоко, отъярится солнце, оттанцуют красавцы хариусы... И лишь случайные находки: потерянное крыло муравьиной матки, прилипшая к прибрежному камню чешуйка рыбы или блеснувший со дна ручейка осколок солнца — янтарный камушек — напомнят об истекшем лесном празднике.

□

Юрий Викторович ЖЕКотов

родился и живет в городе Николаевск-на-Амуре.

Автор четырёх книг прозы.

Печатался в журналах и альманахах: «Берега», «Дальний Восток», «Литературный меридиан», «Мир животных» (Беларусь), «Подъём», «Природа и человек- XXI век», «Охотничьи просторы», «Русский Stil-2015» (Германия), «Светлые Души» и др.

Лауреат интернет-ресурса «Российский писатель» в номинации «Проза» за 2016 год.

Участник литературного объединения «Точки» при Совете по прозе Союза писателей России.

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

